

ББК 63.3(285.37)5

М.Н. Мякишев

**Некоторые аспекты из жизни рабочих золотых приисков
Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа
в период его аренды Министерством финансов
(1830–1855 гг.)**

M.N. Myakishev

**Some Aspects of Gold Miners' Way of Life
in the Kolyvano-Voskresensky (Altai) Mountain District
during its Rent by the Ministry of Finance (1830–1855)**

Статья освещает социально-экономические проблемы, возникавшие у рабочих золотых приисков в середине XIX в. на казенных землях Алтая. Дается подробный анализ трудностей, с которыми сталкивались мастеровые золотых промыслов, включая тяжелые условия труда, высокий уровень заболеваемости.

Ключевые слова: рабочий, казенные земли Алтая, золотые прииски, тяжелые условия труда.

The article covers the social and economic problems which had workers of gold mines in the middle of XIXth century on the Altai state lands. It is focused on the detailed analysis of difficulties which gold crafts workers came across, including heavy labour conditions, high level of morbidity.

Key words: the worker, the state areas of Altai, gold mines, heavy labour conditions.

С начала открытия золотых россыпей и их промышленной разработки на Алтае в 1830 г. на приисках появились два слоя неравных по правам людей: во-первых, рядовые работники, во-вторых, младшие служащие и администрация. Первые были выходцами из крестьян, потомками мастеровых; вторые чаще всего происходили из мещан или дворян и крайне редко из среды рабочих и ремесленников.

На кабинетских землях Алтая и Нерчинска мастеровых формировали из крестьян путем рекрутского набора, который заменял им военную службу. Во второй четверти XIX в. таким путем на казенные заводы и рудники ежегодно либо через год попадали в среднем по 612 рекрутов [1, с. 158]. Дети мастеровых и незаконнорожденные от вдов и дочерей мастеровых также состояли на заводской службе [2, с. 263]. Приписные крестьяне и мастеровые казенных горных округов подчинялись горным уставам, принятым в конце 40-х гг. XVIII в. с целью обеспечения постоянной работы рудников и заводов Кабинета. В 1828 г. были учреждены военные суды, которые рассматривали преступления всех горнозаводских служащих.

Мастеровые начинали работать с 7 лет и до самой старости (отпускали со службы только из-за дряхлости либо инвалидности). В связи с этим жизнь мастеровых кабинетских земель была очень тяжелой, ведь даже на каторге был свой срок. Только с 1849 г. детей мастеровых стали брать на работы с 8 лет, а срок службы установили в 35 лет, при этом стаж начислялся не с 8, а с 18 лет [3, с. 32]. В 1852 г. по предложению генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова

срок службы был уменьшен до 25 лет, но только тем работникам, у которых был безупречный послужной список [2, с. 282].

Рабочие делились на две группы: горнозаводские и урочные. Горнозаводские, в свою очередь, разделялись по роду занятий на четыре категории: 1) медицинские работники, писари, учителя; 2) горнозаводские рабочие; 3) ремесленники; 4) прислуга. По данным Н. Зобнина, в 1849 г. рабочих и мастеровых насчитывалось 15000, урочников – 3992 и подростков (с 8 до 18 лет) – 2211 чел. Урочные крестьяне отличались от горнозаводских рабочих тем, что жили в своих деревнях в то время, когда не занимались заводской работой, а в начале года обязаны были заявить о том, что выполняют тот или иной урок. Урочников выбирали путем рекрутского набора, они были освобождены от денежных повинностей так же, как мастеровые. Чтобы стать урочником, необходимо было иметь несколько лошадей для перевозки заводских грузов либо землю, так что не каждый приписной крестьянин мог исполнять эти обязанности. По роду занятий урочники делились на угольщики, кучники, рудовозов, кирпичников, поставщиков серы, дегтя и т.д. [4, с. 399]. После того, как они выполняли урок и получали за него небольшие деньги, урочники возвращались к себе домой и занимались земледелием. Горному правлению было выгодно иметь у себя под рукой урочников, так как им платили меньше, чем вольнонаемным рабочим. З.Г. Карпенко в своей книге «Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах» писала о том, что

урочники занимали промежуточное положение между крестьянами и мастеровыми [1, с. 89].

Приписные крестьяне имели двойную функцию по отношению к горному ведомству; во-первых, из них набирали рекрутов, а, во-вторых, они производили работу для заводов (рубка куренных дров, рубка дров для обжига флюсов, привоз руды с рудников на заводы и пр.) [5, с. 358]. Работы были строго расписаны, и другими делами крестьян не могли занять. В 1853 г. приписных крестьян насчитывалось 137038 чел. мужского пола, и все они были либо задействованы в заводских работах, либо находились в рекрутстве, а также несли все денежные повинности в пользу государства [4, с. 407].

Работа на золотых промыслах считалась среди мастеровых Алтая каторжной. Условия труда были ужасные: тайга, высокая влажность, болезни, тяжелый 12-часовой рабочий день. Н. Зобнин так говорил о работе на золотых промыслах: «Военно-судные комиссии в своих приговорах страшили обвиняемых с заводов и рудников отдачей на золотые прииски и действительно отправляли туда, когда все другие меры наказания (розги и тысячи шпицрутенгов) оказывались, по мнению комиссии, недействительными». «Казарменная жизнь, холод и постоянный дым во время зимних работ по колено в воде» – все это вызывало болезни и смерти от цинги и ревматизма [4, с. 270].

Кроме мастеровых, на золотых приисках Кабинета работало небольшое количество приписных крестьян, которые проживали рядом с приисками. В 1831 г. на Егорьевском прииске работали от 15 до 70 вольных крестьян, а в 1832 г. их стало совсем мало, поэтому пришлось нанимать урочников. Крестьян, желавших работать на золотых приисках Кабинета, было мало, так как на частных промыслах платили больше [2, с. 274].

Следует отметить, что в рассматриваемом периоде золотопромышленность Колывано-Воскресенского округа только зарождалась, а каждое новое дело всегда сталкивается с множеством трудностей. Когда разведывательная группа производила шурфовку и обнаруживала признаки золота, величина которого годилась для промышленной добычи, на это место оперативно высылали группу рабочих во главе с горным офицером для основания прииска. В Кемеровском областном архиве отложились дела, красноречиво представляющие эту деятельность. Например, горный начальник Ф.Ф. Бегер приказывал управляющему Салаирским краем Мевису 1-му отправить 50 человек с Касминского золотого промысла поздней осенью в тайгу на только что открытые две россыпи по речке Заводской и ключу Успенскому [6, л. 143–144]. В 1834 г. горный начальник приказывает набрать в Салаирской горной конторе 120 чел. и отправить на Успенский золотой

промысел, который недавно стал разрабатываться [7, л. 174]. Таких свидетельств о передвижении рабочих из одного промысла на другой достаточно много. Сложно себе представить, чтобы здравомыслящий человек мог послать на верную гибель 50 чел. зимой на необжитое место, в тайгу. Видимо, Бегер верил в «трехжильность» русского человека, который все может вытерпеть и выжить в самых экстремальных местах. С другой стороны, можно понять, почему Ф.Ф. Бегер отдавал такие приказы; ему надо было увеличивать добычу золота, так как этого требовало от него вышестоящее начальство. До конца изучаемого нами периода мастеровых переводили только по указанию Горного правления, лишь с 1855 г. такое право получили управляющие приисков. На золотые прииски старались отправлять бессемейных и не имеющих своих домов рабочих [2, с. 266–267].

По прибытию на новое место назначения мастеровые строили казарму офицерам, а затем казарму для себя, до этого они проживали в землянках. На Егорьевском прииске в апреле 1831 г. из 641 чел. 300 строили для себя избушки. Следует отметить, что Егорьевский промысел был первенцем среди кабинетских золотых приисков Алтая (начало разработки – осень 1830 г.). После того как прибывшие на прииск рабочие устроили себе на первое время землянки либо устраивались в уже построенных бараках, они выходили на работы. Мастеровые трудились как зимой, так и летом, в отличие от частных золотых промыслов Алтая, где зимние работы были редкими. Большинство рабочих были задействованы на трех видах работ: добыча песка, доставка его к промывальной машине и промывка. По штатам 1849 г. один рабочий должен был добыть и откатить на расстояние 15 саженей (32 метра) одну кубическую сажень песка или торфа летом в 5, а зимой – в 7 рабочих смен [8, с. 158]. На Алтае на каждого рабочего приходилось меньше добытого песка, чем на частных приисках Томской губернии, хотя в первом случае работали круглый год, а на втором – 7,5 месяцев. В.И. Семевский объяснял это тем, что, во-первых, рабочий день был короче на казенных промыслах Алтая; во-вторых, здесь были распространены подземные выработки песка и вследствие этого больше времени требовалось на откатку песка и пустой породы, последняя причина – обязательный труд был менее производительным, чем вольнонаемный [2, с. 269–270]. Следует отметить большое число больных на казенных приисках, особенно в зимнее время, что негативно сказывалось на количестве добытого золота.

На только что открытых золотых промыслах была распространена так называемая гнилая горячка, особенно в первую зиму и весну, летом и осенью болезнь ослабевала, но обострялась цинга. Главную причину горячки видели в расположении золотоносных россыпей в суровом и влажном климате, а также в том, что

избы строили из сырого леса, и из-за чего в них была большая влажность [2, с. 278–279]. Горное правление пыталось справиться с болезнями, строя госпитали. В 1828 г. в Салаире госпиталь сгорел, однако его начали возводить заново. Строили его довольно долго. Сохранилось письмо из Горного правления Колывано-Воскресенских заводов управляющему Салаирскими рудниками и заводами бергмейстеру Мевису 1-му с таким содержанием: «Инспектор медицинской части Г. доктор статский советник и кавалер Геблер донес г. Горному начальнику, что он при обозрении в нынешнем году в Салаирском руднике лазарета нашел, что оный приближается к окончанию, главный корпус кроме ворот отстроен и был бы в полном устройстве, ежели от осадка стен не отваливалась часто временно глина от них и не было бы недостатков в стеклах для окон. Первое неудобство можно предупредить только прочною штукатуркой или обитием стен комнат. Амбары и забор на дворе еще не окончен, больных было в лазарете необыкновенное число 165 человек, большею частию одержимых слабостью после горячек, которые ныне прекращаются ознобами, от которых он г. инспектор просит Вас принять должные меры, платья и белья при лазарете достаточно, медной, чугунной посуды и прочих вещей здесь, как и в прочих лазаретах недостает против положения, пища производилась больным согласно с учреждением и здоровья. Аптеку не нашел в настоящем порядке, потому что в самое время осмотра его часть медикаментов перемещалось во вновь сделанные шкафы и ящики, но сие перемещения ныне без сомнения уже окончены и тогда получит аптека вид соответствующий хорошему лазарету. Книги лазаретные и аптечные были в порядке; усердия и способности г. штаб-лекаря Автимонова заслуживают похвалы и особенно достойны внимания начальства усердие и успех, с которым лечил он минувшею весну значительное число переведенных из Егорьевских промыслов в Салаирский лазарет больных, одержимых цинговой болезнью. На сем донесении он г. Горный начальник положил резолюцию и вследствие оной. ОПРЕДЕЛЕНИЕ: Вам предписать, чтобы о недостающей посуде при госпитале ныне же сделав соображение сколько для одного и чего нужно приготовить, от меня, что из всего можно сделать и что нужно купить или приготовить в других заводах: как например медная, чугунная посуда и проч. Относительно же неудобств, замеченных г. инспектором, предписывается вам на исправление их обратить особое внимание» [6, л. 244–245об.].

Датировано письмо 24 марта 1833 г. Документ дает нам много информации для размышления. Во-первых, сама личность главного инспектора медицинской части доктора Геблера очень колоритна. В 1810 г. он приехал в Россию с дипломом врача-хирурга и подписал контракт на 6 лет работы в Барнауле.

По окончании контракта он решил остаться в России, в Колывано-Воскресенском округе, продолжал служить инспектором медицинской части до своей отставки в 1849 г. Больше половины своей жизни он посвятил Колывано-Воскресенскому горному округу и развитию в нем медицины, был одним из основателей краеведческого музея в Барнауле, впервые исследовал и нанес на карту ледники Белухи и многое другое [9, с. 16–17]. Геблер был профессионалом своего дела, поэтому увидел все недочеты Салаирского лазарета и потребовал, чтобы они как можно быстрее были исправлены. Из содержания письма выясняем проблемы больницы в нехватке посуды и белья, но в то же время была одобрена деятельность местного врача Автимонова, отмечено хорошее лечение больных. Можно также предположить, что часть больных, находящихся на лечении в Салаирском госпитале в это время, были работниками золотых приисков, так как прииски только начинали отстраивать, однако в 1835 г. в Касминском и Егорьевском промыслах лазареты работали. Эту информацию косвенно подтверждает сам Геблер, который в одном из своих донесений 1835 г. писал, что лазареты Касминского и Егорьевского промыслов находятся в лучшем состоянии, нежели чем на Успенском. Кроме цинги и горячки, очень распространенной болезнью на промыслах был сифилис, распространявшийся из-за малого числа женщин. Например, на Успенском золотом промысле в июле 1834 г. числилось 317 мастеровых, 117 жен, 34 сыновей, 9 дочерей [2, с. 267]. Заболевших венерическими заболеваниями отправляли лечиться за казенный счет в Салаирский лазарет. По инициативе Геблера в 1835 г. Алтайским горным правлением было принято решение отправлять на золотые прииски тех рабочих, которые прошли медосмотр и не страдали хроническими заболеваниями. По штатам 1849 г. на золотых приисках Алтайского горного округа должны были служить 2 лекаря, 12 фельдшеров и 12 фельдшерских учеников. Деньги на эти цели Горное правление выделяло крайне неохотно. Красноречивым примером этого служил тот факт, что в 1843 г. на крупнейшем казенном Царево-Николаевском золотом промысле должны были пристроить 4 комнаты к лазарету, а построили их только через 10 лет – в 1853 г., так как не было финансирования [10, л. 147–154].

В отчетах Салаирского госпиталя о больных за год отдельной графой шли пациенты с золотых промыслов. К сожалению, в данной документации указывалось только количество больных, но ничего не сказано об их заболеваниях. В отчете за 1838 г. с золотых приисков поступило 26 больных, из них 4 умерли, т.е. 15% от всего количества заболевших! Рабочих и мастеровых с рудников и заводов за этот же период побывало в больнице 1080 чел., из них 1027 выздоровели, 18 умерли, 35 остались долечиваться (процент смертности – 1,6) [11, л. 14]. Мы видим ко-

лоссальную разницу в смертности между больными с золотых приисков и серебряных рудников. Это еще раз подтверждает тот факт, что условия труда на промыслах были значительно тяжелее, чем на остальных заводских работах.

Исследования условий труда рабочих на золотых приисках Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа даст нам возможность полноценно оценить вклад горнозаводского населения в развитие кабинетской промышленности Западной Сибири.

Библиографический список

1. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. – Новосибирск, 1963.
2. Семевский В.И. Рабочие на золотых сибирских промыслах. – СПб., 1898. – Т. 1.
3. Бородавкин А.П. Реформы 1861 года на Алтае. – Томск, 1972.
4. Зобнин Н. Положение рабочих // Алтай : историко-стат. сб. – Томск, 1890.
5. Майор Кулибин. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год // Горный журнал. – 1836. – №2.
6. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. д-6. – Оп. 1. – Д. 101.
7. ГАКО. – Ф. д-8. – Оп. 1. – Д. 6.
8. История Кузбасса. – Кемерово, 1962.
9. Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850 годы). – Л., 1933.
10. ГАКО. – Ф. д-8. – Оп. 1. – Д. 23.
11. ГАКО. – Ф. д-8. – Оп. 1. – Д. 135.